

уконтрапутили

Франк Касторф привез в Авиньон «Кокаин»

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ АВИНЬОН

Программа Авиньонского фестиваля формировалась в этом году при активном участии худрука берлинского театра «Шaubюне» Томаса Остермайера. Неудивительно, что почти в половине спектаклей, вошедших в фестивальное расписание, со сцены говорят по-немецки. Германское нашествие на Авиньон начал необузданный Франк Касторф, дружелюбно предложивший французской публике свой «Кокаин».

Русские знают Касторфа только по одному спектаклю: на прошлый Чеховский фестиваль к нам завозили пятчасовое представление «Мастера и Маргариты». И хотя часть московской публики в беспорядке бежала после антракта, а кто-то высидел до конца лишь для того, чтобы затем громко и обвинять театр в безнравственности, по тому спектаклю едва ли не с первой минуты становилось предельно ясно: перед нами яркая режиссерская индивидуальность.

Почерк Касторфа и впрямь не спутаешь ни с каким иным, и в спектакле театра Фольксбюне «Кокаин» можно наблюдать тот же набор постановочных приемов, что и в инсценировке булгаковского романа. Один из первейших принципов театра Касторфа — мультимедийность. Хотя «мультимедийность» — слово, конечно, слишком слабое, чтобы дать представление о том мощном водовороте, в который, словно беспомощных кутят, безжалостно бросают зрители.

Действие происходит везде и всюду. На авансцене — два телевизора с выключенным звуком, на задник проецируется какая-то белесая киношка, а посередине — еще экран, где в режиме live транслируется спектакль. На самой сцене при этом едва ли не полспектакля царит полное безлюдье. Живые актеры волей режиссера превращены в плоские тени, слоняющиеся в этом аду, а за ними с видеокамерами в руках носятся люди, старающиеся запечатлеть каждое их движение.

Контрапункты куда важнее для Касторфа, чем сюжетные подробности, и нас, можно не сомневаться, уконтрапунтят по полной. Два героя могут серьезно рассуждать о философских материях, а все это время рядом с ними в течение десяти минут будет заходиться в непрестанном пронзительном визге некая истеричная девица.

Роман «Кокаин», написанный в 20-е годы итальянским писателем Питигрилли, повествует о человеческом разложении. Главный герой, журналиста Тито, зарабатывающий на хлеб написанием статей в бульварной газетенке, предан самым разнообразным порокам — нюхает белый порошок и занимается утонченным распутством. Окружающие не лучше — все как на подбор тунеядцы, алкоголики и лжецы.

Их веселый разврат происходит то ли вблизи от ада, то ли на фоне потухшего вулкана. Вулкан вертится вокруг своей оси, вызывая у зрителя легкое головокружение, а на каждой его грани наблюдается какое-нибудь размашистое граффити: «Доктор Кокаин», «Доктор Эльдorado»... Впрочем, несмотря на внушительный список докторов, болезнь слишком запущена, чтобы поддаться лечению. Герою не поможет даже его легкомысленная Маддалена (блестящая работа Катрин Ангерер), переименованная им впоследствии в Кокаину. В финале вулкан, как и следовало ожидать, работает, выбрасывая из себя сполохи огня и серы. Ничего, кроме адского пламени, этот мир, по мнению Франка Касторфа, и не заслуживает.

Любовница порочного журналиста, известная под прозвищем Кокаина (Катрин Ангерер), всегда готова заняться развратом (сцена из спектакля «Кокаин»)